

Глава 1

Я вздрагиваю. Тряпка, которую она мне подает, чистая, но по-прежнему пахнет кровью. Впрочем, чего я волнуюсь? Вся моя одежда в крови. Красная — разумеется, моя. Серебряная принадлежит другим. Эванжелине, Птолемусу, нимфу... всем тем, кто пытался убить нас на арене. Наверное, есть тут и кровь Кэла. Он чуть не умер там, на песке, избитый и израненный нашими несостоявшимися палачами. А теперь он сидит напротив и смотрит в пол, позволяя ранам медленно исцеляться самим собой. Я гляжу на один из многочисленных порезов у себя на руках (это постаралась Эванжелина). Он еще свежий и достаточно глубокий — наверное, останется шрам. Отчасти мне даже приятно. Эту неровную рану не уберут, как по волшебству, холодные пальцы целителя. Мы с Кэлом больше не в мире Серебряных, где кто-нибудь может с легкостью стереть наши честно заработанные шрамы. Мы сбежали. Ну или, по крайней мере, я сбежала. Цепи Кэла зримо напоминают о том, что он пленник.

Фарли слегка подталкивает меня, но ее прикосновение на удивление ласково.

— Закрой лицо, девочка-молния. Вот что им нужно.

В кои-то веки я делаю, что велют. Остальные следуют моему примеру и закрывают красными повязками рты и носы. Только Кэл остается с открытым лицом, но ненадолго. Он не сопротивляется, когда Фарли завязывает на нем маску. Теперь принц выглядит, как один из нас.

О, если бы.

Электрическое гудение воспаляет мою кровь, напоминая о пульсирующем, скрипучем поезде подземки. Он неумолимо несет нас вперед, направляясь к городу, который некогда был гаванью. Поезд мчится, визжа колесами по древним рельсам, как быстр, пожирающий пространство. Я прислушиваюсь к скрежету металла — он отдается глубоко в костях, где угнездились холод и боль. Мои гнев и сила, которые проявились, там, на арене, кажутся далекими воспоминаниями — от них остались только мука и страх. Не могу даже вообразить, о чем сейчас думает Кэл. Он потерял все — все, что ему когда-либо было дорого. Отца, брата, королевство. Понятия не имею, как он сейчас держится и чего ему стоит сидеть неподвижно, лишь покачиваясь от движений поезда.

Не нужно объяснять причины спешки. Фарли и ее гвардейцы, напряженные, как пружина, служат достаточным объяснением. Мы спасаемся бегством.

Мэйвен уже проделал этот путь однажды — и он вернется. На сей раз с армией солдат, своей матерью и короной. Вчера он был принцем, сегодня стал королем. Я думала, что он мой друг, мой нареченный... теперь я знаю правду.

Некогда я доверяла ему. Теперь я научилась ненавидеть и бояться Мэйвена. Он погубил своего отца

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

ради короны и подставил собственного брата. Он знает, что радиация, окружающая разрушенный город, — это ложь, фокус. Он знает, куда направляется поезд. Убежище, которое выстроила Фарли, перестало быть безопасным. Во всяком случае, для нас. «Для тебя».

Возможно, мы направляемся прямо в ловушку.

Меня крепко обхватывает чья-то рука. Шейд ощутил мою тревогу. По-прежнему не верится, что мой брат здесь, живой и, самое странное, такой же, как я. Одновременно Красный и Серебряный — сильнее тех и других.

— Я не позволю им снова отнять тебя, — бормочет он так тихо, что я едва слышу его слова. Очевидно, верность кому-либо за пределами Алой гвардии, даже родным, не приветствуется. — Обещаю.

Присутствие брата успокаивает меня и возвращает в прошлое, до того как Шейда призвали. Я вспоминаю дождливую весну, когда мы еще могли притворяться детьми. Тогда не было ничего, кроме грязи, родной деревни и нашей дурацкой манеры не думать о будущем. Теперь я только о нем и думаю, пытаюсь понять, какую судьбу навлекли на нас мои поступки.

— И что мы теперь будем делать? — Я обращаюсь с вопросом к Фарли, но взглядом ищу Килорна.

Он стоит рядом с ней, словно верный страж, в окровавленных бинтах, стиснув зубы. С ума сойти, совсем недавно он был учеником рыбака. Как и Шейд, Килорн выглядит здесь неуместно. Призрак давних времен.

— Всегда есть от чего бежать, — отвечает Фарли, не сводя глаз с Кэла.

Она ожидает, что он будет бороться, сопротивляться, но он не делает ничего.

— Не оставляй Мэру, — приказывает она после долгого молчания, повернувшись к Шейду. Брат кивает, и его ладонь на моем плече тяжелеет. — Мы не можем ее потерять.

Я не генерал, не великий стратег, но логика Фарли ясна. Я — девочка-молния, живое электричество, небесный огонь в человеческом обличье. Люди знают, как меня зовут, как я выгляжу и на что способна. Я — ценна, я — могуча, и Мэйвен пойдет на что угодно, чтобы помешать мне нанести ответный удар. Понятия не имею, как мой брат сумеет защитить меня от чудовищного нового короля, пусть даже мы с Шейдом похожи, пусть он быстрее всех на свете. Но я должна верить, хоть это и кажется чудом. В конце концов, я повидала столько невозможных вещей. Еще один побег — сущие пустяки.

Щелчки затворов эхом разносятся по поезду: Алая гвардия готовится. Килорн придвигается ко мне, слегка покачиваясь. Его рука крепко сжимает винтовку, висящую на груди. Он опускает глаза и слегка смягчается, даже пытается ухмыльнуться, повеселить меня, но его ярко-зеленые глаза серьезны и полны страха.

Кэл, напротив, сидит тихо, почти безмятежно. Хотя ему как раз и есть чего бояться — он скован, окружен врагами, ненавидим собственным братом — держится принц спокойно. Неудивительно. Он прирожденный солдат. Война — это то, что Кэл понимает, а мы сейчас, несомненно, на войне.

— Надеюсь, ты не намерена сражаться, — говорит он, раскрыв рот впервые за долгое время. Кэл смо-

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

трит на меня, но его резкие слова обращены к Фарли. — Надеюсь, ты намерена бежать.

— Не трать силы, Серебряный, — отвечает та, расправив плечи. — Я знаю, что нам делать.

Я не в силах удержаться.

— Он тоже знает.

Взгляд, который Фарли устремляет на меня, полон пламени, но я видала и пострашнее. Я и бровью не веду.

— Кэл знает, как они дерутся. Он знает, каким образом они попытаются остановить нас. Используй его.

«Каково это, когда тебя используют?» Он бросил эти слова мне в лицо в тюрьме под Чашей Костей, и в ту минуту я хотела умереть. А теперь боль еле ощутима.

Фарли молчит, и Кэлу этого достаточно.

— У них есть драконы.

Килорн смеется.

— Серьезно?

— Я имею в виду самолеты, — отвечает Кэл, и его глаза искрятся отвращением. — Оранжевые крылья, серебряный корпус, один-единственный пилот. Легкая, маневренная машина, в самый раз для атаки на город. Каждый такой самолет несет четыре бомбы. Каждая эскадрилья — это сорок восемь снарядов, от которых вам придется увернуться, плюс легкое вооружение. Вы справитесь?

Ответом ему — тишина. Нет, не справимся.

— Драконы — меньшая из наших проблем. Они будут просто кружить и охранять периметр, удерживая нас на месте, пока не подспеют войска.

Он опускает глаза и задумывается. Кэл пытается понять, как поступил бы, будь он на другой стороне. Будь он, а не Мэйвен, королем.

— Они окружают нас и предъявляют условия. Мэра и я — в обмен на вашу свободу.

Еще одна жертва. Я медленно втягиваю воздух. Утром — и вчера — пока не случилось всего этого безумия — я бы охотно пожертвовала собой, чтобы спасти хотя бы Килорна и Шейда. Но теперь... теперь я знаю, что отличаюсь от остальных. Теперь мне нужно защищать других. Теперь я не могу погибнуть.

— Мы не согласимся, — отвечаю я.

Горькая правда. Взгляд Килорна буквально давит на меня, но я не поднимаю глаз. Я не в силах вынести его осуждение.

Кэл не настолько резок. Он кивает, соглашаясь со мной.

— Король и не ожидает, что мы сдадимся, — произносит он. — Самолеты обрушат остатки зданий нам на головы, а солдаты подчистят выживших. Это будет просто бойня.

Фарли — воплощенная гордость, даже теперь, когда ее загнали в угол.

— А что ты предлагаешь? — спрашивает она полным презрения голосом, склонившись к Кэлу. — Всем сдаться?

На лице принца возникает нечто похожее на отвращение.

— Все равно Мэйвен вас убьет. В тюрьме или на поле боя, но он никого не оставит в живых.

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

— Тогда лучше мы умрем, сражаясь. — Голос Ки-лорна звучит с необычайной силой, хотя руки у него дрожат.

Он неотличим от остальных мятежников — и готов умереть за общее дело, — но все-таки моему другу страшно. Он по-прежнему мальчик, которому едва исполнилось восемнадцать, ему есть ради чего жить — и слишком мало поводов умирать.

Кэл хмыкает в ответ на эту наигрannую смелость, но больше ничего не говорит. Он знает, что красочное описание нашей неминуемой гибели не поможет делу.

Фарли не разделяет его чувств и отмахивается от обоих. Мой брат, у меня за спиной, тоже держится весьма уверенно.

Они знают что-то, чего не знаем мы, что-то, чего они пока не скажут. Мэйвен нас всех научил, какова цена обманутого доверия.

— Сегодня умрем не мы, — вот и все, что говорит Фарли, а потом отправляется в головной вагон.

Ее ботинки стучат по металлическому полу, как молотки, и каждый шаг полон упрямой решимости.

Я чувствую, что поезд замедляет ход — ощущаю изнутри. Электричество слабеет, затихает: мы подъезжаем к подземной станции. Понятия не имею, что ждет нас в небе над головой — белый туман или самолеты с оранжевыми крыльями. Но остальные, кажется, не волнуются — и весьма целеустремленно выходят из поезда. Молчаливые, вооруженные бойцы Гвардии в масках похожи на настоящих солдат, но я-то знаю, что это не так. Им не справиться с тем, что нас ждет.

— Готовься, — шепчет Кэл, и я вздрагиваю.

Я вспоминаю давно минувшие дни. Наш танец в лунном свете.

— Не забывай, какая ты сильная.

Килорн проталкивается ко мне и разделяет нас, прежде чем я успеваю сказать Кэлу, что моя сила и мои способности — это все, в чем я сейчас уверена. Электричество в моих жилах — единственное, на что я готова положиться.

Мне хочется верить Алой гвардии, особенно Шейду и Килорну, но я не позволяю себе расслабиться — после того ужаса, в который нас втянуло мое решение довериться Мэйвену, моя слепота. И Кэл в любом случае стоит за чертой. Он пленник, Серебряный, враг, который предаст Гвардию, если сможет... если ему будет куда бежать.

Но тем не менее меня по-прежнему тянет к нему. Я помню невеселого парня, который дал мне серебряную монетку, когда я была ничем. Одним движением он изменил мое будущее и разрушил свое.

Мы союзники — наши узы нележки, они скреплены кровью и предательством. Мы связаны, мы едины — против Мэйвена, против всех, кто обманул нас, против мира, который вот-вот рассыплется на части.

Нас встречает тишина. Серый, сырой туман висит над руинами Наэрсси — небо так низко, что, кажется, можно его потрогать. В воздухе чувствуется холод осени — времени перемен и смерти. Ничто пока не летает в небе, нет ни единого самолета, готового уничтожить и без того разоренный город. Быстро шагая, Фарли выходит со станции на широкую

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

безлюдную улицу. Разрушенные здания высятся над нами, как стены каньона — они словно стали еще серее и запущеннее.

Мы идем по улице на восток, к гавани, окутанной туманом. Над улицей нависают высокие, наполовину обрушившиеся строения; их окна — точно глаза, которые наблюдают за нами. Возможно, в пустых проемах и темных арках ждут Серебряные, намеренные уничтожить Алу ю гвардию. Возможно, Мэйвен заставит меня смотреть, как он перебьет мятежников одного за другим. Он не позволит мне умереть быстро и чисто. «Или еще хуже, — думаю я. — Он вообще не позволит мне умереть».

От этой мысли у меня стынет кровь, словно ее превратили в лед. Сколько бы Мэйвен ни лгал мне, я видела уголок его души. Я помню, как он схватил меня сквозь прутья решетки дрожащими руками. Помню имя, которое он хранит в памяти, имя, которое дает понять, что в нем по-прежнему бьется живое сердце. «Его звали Томас, и я видел, как он умер». Мэйвен не сумел спасти того парня. Но он может спасти меня, хоть и на свой извращенный лад.

Нет. Я не доставлю ему такой радости. Лучше умру.

Но, как бы я ни старалась, я не могу забыть того человека, каким его считала. Зброшенный, позабытый мальчик. Жаль, что ТАКОГО Мэйвена не существует. Жаль, что он живет только в моих воспоминаниях.

В развалинах Наэрси эхо звучит слабо — тише, чем следовало бы. И я вдруг понимаю, почему. Все изгнанники пропали. Женщина, подметавшая пепел,